

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

И. ДУЙЧЕВ

Изучение в Болгарии древнеславянской и древнеболгарской литературы за 1945—1955 гг.¹

Для болгарского ученого изучение древнеславянской и, в частности, древнеболгарской литературы является научно-исследовательской задачей первостепенной важности. В течение десятилетия, с 1945 по 1955 г., были опубликованы книги и статьи, явившиеся значительным вкладом в этой области. Одни из них дают новые материалы, другие намечают пути к решению основных проблем истории литературы или представляют собой обобщения прежних исследований. Внимание болгарских ученых направлено в основном на изучение древнеболгарской литературы, в то время как изучение вопросов, связанных со старославянской письменностью значительно отстает.²

1. Создание славянского письма и возникновение старославянской письменности являются двумя наиболее трудными и спорными вопросами в славяноведении. Из исследований по этим вопросам прежде всего должны быть указаны работы болгарского слависта Е. Георгиева, который опубликовал целый ряд научных и научно-популярных трудов и статей: «Възникване на славянската писменост» (ЕЛ, VIII, 6, 1953, стр. 353—366); «Началото на славянската писменост и нейния разцвет в средновековна България» (Младеж, 1954, кн. 5, стр. 22—27); «Powstanie pisma słowiańskiego» (Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego, II, 7, 1954, стр. 41—59). Точка зрения автора лучше всего изложена в книге «Славянская письменность до Кирилла и Мефодия» (София, Българска академия на науките, Институт за българска литература, 1952, 8°, 95 стр.).³ Книга содержит следующие главы: «Глаголица — азбука Константина

¹ Статья прислана Болгарским библиографическим институтом им. Елина-Пелина в Софии. Перевод с болгарского О. Ф. Коноваловой. (Ред.).

² Далее в этой статье приняты следующие сокращения:

БАН — Българска Академия на науките.

БЕ — Български език.

ГББИ — Годишник на Българския библиографски институт.

ГДА — Годишник на Духовната академия.

ГодСУБФ — Годишник на Соф. ун-т, богосл. факултет.

ГодСУИФ — Годишник на Соф. ун-т, ист.-филол. факултет.

ГодСУФ — Годишник на Соф. ун-т, филол. факултет.

ЕЛ — Език и литература.

ИАИ — Известия на Археологическия институт: ср. также ИБАИ.

ИБИД — Известия на Българското историческо дружество.

ИИБИ — Известия на Института за българска история.

ИИБЛ — Известия на Института за българска литература.

ИПр — Исторически преглед.

³ Ср. рецензии на эту книгу: Н. А. Кондрашов, Вопросы языкознания АН СССР, 1952, кн. 6, стр. 144—150; М. П. Сотникова, Вопросы истории, 1953, кн. 3, стр. 98—103; перевод на болгарский язык напечатан в ИПр, IX, 5, 1953, стр. 534—542.

Кирилла»; «Кириллица и глаголица»; «Постепенное возникновение кирилловского письма из греческого»; «Усвоение греческой культуры славянами»; «Крещение славян и распространение письменности в их среде»; «Исторические факты, которые свидетельствуют о существовании славянской письменности до Кирилла и Мефодия»; «Явные вести из памятников о славянской письменности до Кирилла и Мефодия»; «Начало славянской письменности в свете древнейших славянских надписей»; «Теории о докирилломефодиевском славянском культурном языке и начало славянской письменности»; «Донынешние теории о происхождении кириллицы» и «Происхождение глаголицы». Как видно из самого содержания, автор поддерживает представление о докирилломефодиевском происхождении кириллицы как славянского алфавита, возникшего еще в раннем средневековье. Константин Философ — Кирилл в течение IX в. создал глаголицу, используя для этой цели существовавший в то время кирилловский алфавит. Вместе с тем, согласно автору, глаголица явилась новым, созданным для славян письмом, которое не ведет своего начала от греческого минускульного и курсивного письма, тогда как кириллица — «славянизированная греческая азбука». Эти представления о приоритете кириллицы Е. Георгиев развил в книге «Създаването на Преславската и Охридската книжовни школи в средновековна България» (ГодСУФ, I, 1955, 71 стр.), в которой он, кроме этих вопросов, затронул еще и некоторые вопросы, касающиеся литературной жизни Болгарии конца IX—начала X в. Как хорошо отметил Е. Георгиев, «развитие славянской письменности тесно связано с распространением христианства среди славян». Имея это в виду, нужно обратить внимание на две полемические статьи, а именно: на статью Ал. Бурмова «Против буржуазно-идеалистическите становища по въпроса за налагането на християнството в България през IX в.» (ИПр, X, 2, 1954, стр. 36—52) и на статью Е. Георгиева «По въпроса за християнизирането на средновековна България» (ИПр, X, 5, 1954, стр. 82—104). В противоположность Бурмову, Георгиев отстаивает концепцию о продолжительной и постепенной христианизации болгарского народа, что связывается им с созданием предкирилловского кирилловского алфавита. Интересные рассуждения содержит статья Ал. Бурмова «За началото на славянската писменост в България» (ИПр, VIII, 1, 1952, стр. 50—59). Для полноты следует упомянуть статью В. Сл. Киселкова «Кирило-методиевският въпрос в нова светлина» (Народен пастир, IX, 19—20, стр. 5, от 27 V 1953), в которой подтверждается, что «най-старата славянска азбука е била така наречената глаголица» создана еще в древнеславянский период, до переселения славян из их прародины. Наряду с другими работами вклад в науку представляет и статья В. Георгиева «Происход на писмото» (БЕ, 1954 кн. I, стр. 5—9). Рассматривая сведения древнеболгарского писателя Чернорица Храбра, Е. Георгиев (Покръстването на славяните и българите и началото на славянската писменост според вести в «Сказанието» на Черноризец Храбр. ИПр, IV, 1, 1947, стр. 91—94) утверждает, что Храбр говорил о «покръстването на славяните като за нещо съвсем отделно от покръстването на Борисова България», и относит это «в една много по-ранна епоха». Затем автор отрицает толкование свидетельства Храбра о 6363 г. как дате создания славянского письма Константином Философом в том смысле, что речь идет о 855 г. н. э. (6363—6508) и считает правильным определить ее как 862/63 г. н. э. (6363—5500). Наконец, Георгиев полагает, что Черноризец Храбр писал кириллицей, и говорит о ней. Эти высказывания были подвергнуты известной критике со стороны покойного М. Генова в статье «За началото на славянската писменост» (ИПр, VI, 4—5, 1950, стр. 600—609), который останавливается главным

образом на вопросе о 855 или 863 г. в известии Храбра как дате создания славянского алфавита Константином Философом — Кириллом. Автор считает, что два брата Константин-Кирилл и Мефодий еще во время жизни в монастыре на Олимпе (Малая Азия) «замыслили план за своята бъдеща мисионерска дейност всред балканските славяни, като съставят азбука, съобразна със звуковите особености на славянския език, и преведат най-необходимите библейски и богослужебни книги». Исходя из этого, автор полагает, что указанную Храбром дату нужно считать 855 г. По мнению Генова, Кирилл и Мефодий готовились к просветительской деятельности среди балканских славян, однако приход великоморавских посланников 862/63 г. отвлел их от этого намерения.

2. За последние годы были открыты несколько важных памятников эпиграфики на славянском языке, которые вносят много нового в разъяснение вопроса о начале славянской письменности в болгарских землях. На первое место здесь нужно поставить надпись Мостича, открытую в 1953 г. при раскопках так называемого «Външен град» в средневековой болгарской столице Преславе. Сведения об этой надписи даны в статьях Ст. Станчева: «Старобългарският надгробен надпис на чъргубилята Мостич от Преслав» (БЕ, V, 2, 1955, стр. 89—93), «Надгробният надпис на един преславски болярин от X в.» (ИПр, XI, 4, 1955, стр. 61—76); в статье В. Ивановой «Надписът на Мостич и преславският епиграфски материал» (БЕ, V, 2, 1955, стр. 94—117), наконец, в книге Ст. Станчева, В. Ивановой, М. Балана и П. Боева «Надписът на чъргубиля Мостич» (София, Българска академия на науките, 1955, 8°, 160 (1) стр.). Несомненно, что это одна из самых важных славянских эпиграфических находок за последние десятилетия. Эту надпись, которая состоит из 12 строк кирилловского письма, нужно считать в числе самых древних славянских эпиграфических памятников не только болгарских, но и всех славянских земель. «Вътрешният болярин» («чъргубиля») Мостич жил во времена Симеона (893—927) и Петра (927—969), и его надгробная надпись должна быть датирована «най-късно в петдесетте или шестдесетте години на X в.». Это значит, что надпись самое меньшее на 25 лет старше известной Самуиловской кирилловской надписи 993 г. По длине текста надпись занимает «първо място между всички известни старобългарски и изобщо старославянски епиграфски паметници». Надгробная надпись Мостича имеет исключительно интересные особенности для изучения славянско-кирилловской палеографии. Исходя из этих палеографических особенностей, В. Иванова в статье «Надписът на Мостич...» считает, что необходимо пересмотреть вопрос о датировке известных кирилловских памятников (например, Савиной книги, Супрасльского сборника, Хилендарских листов и др.), которые до сих пор относятся к первой половине XI в. и которые В. Ивановой склонна отнести к сравнительно более раннему времени. В статье Ивановой даны, кроме того, очень важные сведения о некоторых недавно открытых славянских эпиграфических памятниках начала X в., найденных главным образом в Преславе. Короче говоря, вновь найденный эпиграфический материал дает возможность подвергнуть пересмотру прежние представления о начале славянской письменности. Как видно из этих эпиграфических памятников, кирилловское письмо было установлено еще до конца IX в. как одно из разновидностей старого унциала. По словам В. Ивановой, «новый материал ни позволява да разграничим отделни разновидности на кирилското лапидарно писмо в Преслав и да го свържем с развитието на книжовното писмо».

К эпиграфическим находкам, связанным с началом славянской письменности, следует отнести еще одну краткую фрагментарную надпись,

опубликованную недавно В. Бешевлиевым в «Нови откъследи от първо-български и други средновековни надписи от Плиска и Преслав» (ИАИ, XX, 1955, стр. 282—283). Надпись состоит из одиннадцати буквенных знаков, а именно: ОСТРО/БОГОИН ... По мнению издателя этого фрагмента, здесь мы имеем одну из древнейших славянских надписей в болгарских землях. Так как из сохранившихся 11 букв, 10 букв являются греческими или подражанием греческим буквам, а одна буква — Б — славянская, то можно предположить, что это одна из первых попыток приспособить греческое унциальное письмо для выражения славянской речи, и тем самым отнести надпись к докирилловским опытам в создании славянского письма. Однако памятник очень поврежден и нельзя сделать никаких точных выводов. Интересны, но, к сожалению, не изучены, славянские эпиграфические материалы, опубликованные в статье Ст. Михайлова «Археологически материали от Плиска (1948—1951 г.)» (ИАИ, XX, 1955, стр. 49—181), где даны изображения некоторых начертаний, буквенных знаков на камне, украшений на роге оленя (буквенные знаки и изображения могли иметь астрологическое значение) и др. Как известно, еще В. Ягич в работе «Графика у славян» (СПб., 1911, стр. 26—36) обратил внимание на так называемые «рабоши», употреблявшиеся до недавнего времени болгарами и сербами, как на остатки старинного славянского письма. Новым вкладом в изучение этого вопроса является статья П. Детева «Един календар-рабош в Пловдивския народен музей» (Български народ, III 1947, стр. 10—13). В связи со спорами относительно приоритета глаголицы или кириллицы следует указать на статью Е. Георгиева, «Към въпроса за Константиновото (Кириловото) авторство на глаголицата. Следи от глаголицата в Методиевото пространно житие» (ИИБЛ, II, 1954, стр. 219—221). Автор исследует известие жития Мефодия (гл. XV), где говорится, что Мефодий перевел за шесть месяцев библейские книги (без Маккавеев), и заявляется, что это заняло время от марта до конца октября, т. е. в сущности восемь месяцев. Георгиев объясняет ошибку тем, что текст был транскрибирован с глаголического оригинала на кириллицу, без учета разного числового значения буквенных обозначений. Это толкование вышеупомянутого текста, однако, не представляет ничего нового по сравнению с тем, что дано еще покойным М. Решетаром (M. Rešetar, Zur Übersetzungstätigkeit Methods. Archiv für slavische Philologie, XXXIV, 1—2, 1912, стр. 234—239).

3. За истекшее десятилетие было опубликовано несколько работ общего характера по истории древнеболгарской литературы. Прежде всего назовем две компилятивные работы: Хр. Недякова «Стара българска литература» (София, 1945, 16°, 158 стр.) и Г. Константинова «Стара българска литература» (София, 1946, 16°, 255 стр.). В качестве учебного пособия для университета была опубликована книга П. Динекова «Стара българска литература» (т. I, София, 1950, 8°, 231 стр.; т. II, София, 1953, 8°, 206 стр.). Книга содержит хорошо сделанное краткое изложение предмета и полезную библиографию. Должна быть еще упомянута также и книга знатока староболгарской литературы, ныне покойного М. Генова «Етюди върху старобългарската литература» (София, 1947, 16°, 139 стр.), в которой рассматриваются отдельные вопросы истории староболгарской литературы; например, о начале старославянской письменности, о перенесении славянской письменности в Моравию и Панонию, о литературном наследии Солунских братьев среди западных и восточных славян, о богомилстве, о староболгарской беллетристике и др. Опубликована также незавершенная докторская диссертация болгарского писателя П. Ю. Тодорова (1879—1916) под названием «За отношението на славяните към

българската литература», над которой автор работал приблизительно с 1901 по 1904 г. (П. Ю. Годоров. Славяните и българската литература. София, 1944, стр. 5—110). В работе автор собрал некоторые полезные сведения также и относительно изучения древнеболгарской литературы, носящие преимущественно биографический и библиографический характер. Для учебных целей предназначена книга Е. Георгиева «Славянски литератури в очерки и образци, I. От началото на славянската писменост до средата на XIX в.» (София, 1949, 8°, 267 стр.). По своему содержанию книга стоит на грани между общим изложением предмета и хрестоматией с текстами. Здесь же назовем и книгу М. Генова «Старобългарска литература. Антология. Избор, превод, характеристика» (София, 1947, 16°, 247 стр.).

4. В качестве одного из наиболее полезных сборников текстов должна быть названа объемистая книга Ст. Романского «Старобългарски език в образци» (София, 1945, 8°, V, 602 стр. и 24 табл.). В книге даны образцы глаголических текстов, затем староболгарские глаголические тексты, переданные кириллицей, наконец, староболгарские кирилловские памятники. Ко всем памятникам добавлены краткие вступительные заметки с библиографией изданий и научной литературы о них. Особого внимания заслуживает один из открытых недавно Рыльских глаголических текстов Паренсиса Ефрема Сирина (до сих пор была опубликована только часть их). На книгу имеется отзыв Ив. Дуйчева (ГББИ, I, 1945—1946. София, 1948, стр. 541—542). Сюда же отнесем еще и книгу К. Мирчева «Старобългарски език» (София, 1954, 150 стр.), в которой приводятся (стр. 110—136) и некоторые староболгарские тексты.

5. За последнее десятилетие появилось несколько работ, в которых опубликованы новые древнеболгарские тексты. Так, на основе рукописи Архивного института при Болгарской Академии наук Ив. Снегаров (Неизвестни старобългарски жития. ГДА, III (XXIX), 1953—1954, стр. 151—175) издал (по копии XIV в.) краткое житие Климента Римского, погибшего в Херсоне. Текст является почти дословным переводом известного греческого оригинала. На основе той же рукописи издано краткое житие Константина Философа — Кирилла (так называемое Успение Кириллово), новый текст которого содержит некоторые различия и добавления по отношению к известным и изданным до сих пор спискам памятника (см. указание у Г. А. Ильинского: Опыт систематической кирилло-мефодиевской библиографии. София, 1934, стр. 26, § 30; М. Попруженко — Ст. Романского: Библиографски преглед на славянските кирилски източници за живота и дейността на Кирила и Методия. София, 1935, стр. 51—52). Важнейший вклад в этой области представляет собой одно фрагментарное житие болгарского патриарха Иоакима I, датируемое XIII в., которое является новым ценным источником для изучения истории Болгарии того времени. К сожалению, текст жития дефектен, а первое издание неудовлетворительно (об этом см. указание у Ив. Дуйчева: *Iv. Du j č ev Byzantinoslavica*, XVI, 2, 1955, p. 403).

Ив. Снегаров (Неизвестен досега препис от разказа «Чудо с българина Георги». ИИБИ, III—IV, 1951, стр. 295—296) опубликовал на основании рукописи XIV—XV вв., хранящейся в Архивном институте Болгарской Академии наук, среднеболгарскую редакцию этого важного памятника, известного до сих пор по двум русским спискам XIV и XVII вв., изданным Хр. Лопаревым («Чудо святого Георгия о болгарине», СПб., 1894). Текст рукописи Архивного института был издан полностью и Б. Ангеловым (Старославянски текстове. 1. Нов препис на старобългарския разказ «Чудото с българина». ИИБЛ, III, 1955, стр. 167—173).

Автор вместе с тем дает подробный обзор известных списков и изданий и указывает еще три списка XVI—XVII вв. (один белорусский список от 1669 г., другой список от 1593 г. и обнаруженный А. В. Горским список недатированной рукописи), которые остались неиспользованными при издании памятника. Б. Ангелов (Старославянски текстове. 2. Разказ за пастиря, ухапан от змия. ИИБЛ, III, 1955, стр. 174—177), опубликовал на основе пролога № 17, А, XIV в., среднеболгарской редакции (Архивный институт при БАН), староболгарский текст, который он определяет как «едно от оригиналните произведения на старобългарската литература, отразяващо моменти от живота на българския народ непосредствено след неговото покръстване». В сущности, в тексте нигде не говорится определенно о болгарах и существуют известные основания предполагать, что в данном случае имеем скорее переводное сочинение с греческого языка, вероятно из какого-нибудь патерика. Вопрос заслуживает дальнейшего изучения.

Среди изданий памятников по истории старославянской и староболгарской письменности должна быть упомянута и книга: Теофилакт Охридски. «Житие на Климент Охридски». Превод от гръцкия оригинал, увод и белешки от Ал. Милев. София, БАН, 1955, 8°, 103 стр. В книге перенздан греческий текст жития Климента Охридского, составленного Теофилактом Охридским в конце XI или начале XII в. Текст сопровождается библиографическим введением, болгарским переводом и краткими комментариями.

6. Жизнь и деятельность Константина Философа—Кирилла, его брата Мефодия и их учеников, а также все письменные памятники, имеющие к ним отношение, представляют собой предмет особого внимания со стороны болгарских ученых. В своей большой книге В. С. Киселков (Славянските просветители Кирил и Методий. София, 1945, 16°, 436 стр.) подробно рассмотрел жизнь и деятельность двух славянских первоучителей и в качестве дополнения дал краткий обзор их литературной деятельности («Книжовни трудове на светите братя», стр. 379—420). К сожалению, Киселков исходил из абсолютно ошибочной точки зрения на два основных источника о жизни и деятельности Кирилла и Мефодия, а именно на так называемые Паннонские жития, иными словами, на пространные жития. В противоречие с фактами и оценкой современной славистической науки в лице выдающихся ее представителей автор отстаивает необоснованное мнение о том, что «Кириловото житие трябва да е е появило в първата половина на XV век, а Методиевото — няколко десетилетия покъсно». Недооценивая, таким образом, два исключительно важных старославянских памятника, автор допускает логическую ошибку и строит свое изложение в большей степени на основе сведений этих же житий. Некоторые верные критические замечания в этом направлении сделал недавно советский византолог Ф. М. Россейкин (Буржуазная историография о византино-моравских отношениях в середине IX в. Византийский временник, III, 1950, стр. 245—248). Он правильно говорит о том, «что Паннонские легенды возникли в годы, близкие к эпохе братьев».

В. Сл. Киселков (Кирил и Методий в Рим и папа Адриан II. ИПр, III, 1, 1946—1947, стр. 98—105) рассматривает вопрос об отношении папы Адриана II к славянской письменности и соглашается с тем, что сведения о принятии славянской богослужебной литературы представляют собой только «красивую легенду», из-за которой Кирилловское и Мефодиевское жития в этой части не заслуживают доверия.

Эпизод посещения Константином Философом—Кириллом племени Фул где-то в южнорусских землях или в Крыму, о котором сообщает Ки-

риловское житие (гл. XII), рассмотрен в статье Ив. Дуйчева (Iv. Du j č e v. Zur literarischen Tätigkeit Konstantins des Philosophen. Byzantinische Zeitschrift, XLIV, 1951, стр. 105—110 — Festschrift Fr. Dölger). Загадочное личное имя Александр, которое, согласно тексту Жития Константина, носило дерево, служившее объектом языческого поклонения, следует объяснить как плохой перевод первоисточника, использованного в данном случае составителем Жития Константина — греческого рассказа Константина Философа — Кирилла о его миссии у хозаров.

К толкованию сведений Кирилловского жития (гл. XV) относится статья: Iv. Du j č e v. Un episodio dell'attività di Costantino Filosofo in Moravia, Ricerche slavistiche, III, 1954, стр. 90—96. В житии рассказывается, что Константин Философ во время пребывания в Моравии вел борьбу, между прочим, с теми, кто поддерживал теорию «i ako podъ zemlею живоуть чловѣци велеглави...». В сущности здесь стоит вопрос о теории существования антиподов, которая была широко известна в древности и в средневековье, а в VIII в. была распространена в области нынешнего Зальбурга, недалеко от Моравии. В согласии с цареградской церковью Константин-Кирилл выступил против правильного с научной точки зрения утверждения о существовании антиподов, за которыми кроется теория о сферичности земли.

В связи с культом, оказываемым болгарским народом памяти двух славянских первоучителей, могут быть названы две хорошо аргументированные статьи Б. Ангелова: «Празникът на славянските просветители Кирил и Методий. Произход и развитие» (ИИБИ, V, 1954, стр. 253—290); «Към историята на празника на Кирил и Методий през средните векове» (Сборник в чест на акад. Ал. Теодоров-Балан. София, 1955, стр. 56—68). К общей оценке деятельности Солунских братьев следует отнести работу В. Червенкова, «Димитър Благов и неговото дело. Дело на Кирил и Методий» (София, 1945, стр. 25—43). Наконец, прибавим для полноты брошюру Ст. Каракостова «Кирил и Методий и борбата за свобода и славянска просвета» (София, 1954, 16°, 16 стр.), так же как и некоторые популярные статьи: Хр. Гандев. Дело на Кирил и Методий. Славяни, I, 4, 1945, стр. 111—112; М. Янакиев. Дело на Кирил и Методий. Славяни, V, 5, 1949, стр. 191; Е. Георгиев. Славянската писменост и славянската култура. Славяни, VI, 5, 1950, стр. 134—137; Е. Георгиев. Великото дело на Кирил и Методий. Славяни, IX, 5, 1953, стр. 19—20.

В переводной статье покойного советского ученого Б. Д. Грекова, «Ролята на славяните в историята на световната култура» (ИПр, III, 3, 1946—1947, стр. 318—334) затронут, между прочим, и вопрос о кирилло-мефодиевском деле. Следует прибавить еще перевод жития Кирилла и жития Мефодия, переизданный в книге В. Сл. Киселкова «Пространните жития на светите брата Кирил и Методий» (5-е изд., София, 1945, 8°, 64 стр.).

7. Староболгарские писатели второй половины IX и первой половины X в. за последнее десятилетие были изучены сравнительно мало. Было опубликовано несколько популярных очерков, которые в сущности представляют собой не научно-исследовательские труды, а скорее общее изложение, сделанное на основе более ранних исследований. Так, о ближайшем ученике Солунских братьев Клименте Охридском была издана брошюра Цв. Тодорова «Св. Климент Охридски» (София, 1945, 16°, 64 стр.), в которой дан краткий биографический очерк, сведения о литературной деятельности Климента, фрагменты из жития Кирилла, житие Мефодия и Похвальное слово Константину-Кириллу в новоболгарском переводе.

В связи с Климентом Охридским следует назвать также и статью В. Велчева «Климент Охридски и неговото значение за единението на славяните» (ЕЛ, IV, 1948, стр. 41—48).

Об одном из наиболее важных и интересных староболгарских писателей, а именно Черноризце Храбре, было опубликовано только краткая статья П. Динекова, «Черноризец Храбр» (ЕЛ, VIII, 1, 1953, стр. 47—51).

О Иоанне Екзархе было также опубликовано очень мало работ. Работа Т. Годорова «Иоан Екзарх като писател-проповедник» (ГДА, I (XXVII), 1950—1951, 32 стр.) является частью задуманного очень большого исследования, построенного на сравнительно богатой литературе, однако затрагивает совсем несущественную сторону в деятельности староболгарского писателя. Об этом болгарском писателе говорит и Б. Ангелов в очерке научно-популярного характера «Иоан Екзарх» (ЕЛ, VIII, 3, 1953, стр. 174—182). В связи с историей древнеболгарской архитектуры Н. Мавродинов в работе «Описанието на Преслав в Шестоднева на Иоан Екзарх» (ИПр, XI, 3, 1955, стр. 66—76) дал опыт нового толкования одного места из Шестоднева Иоанна Екзарха.

8. Беседа Пресвитера Козьмы представляет собой, как известно, не только важный памятник средневековой болгарской литературы, но также и один из самых богатых и достоверных источников истории богомилского движения. С удовлетворением следует заметить, что в течение последних лет появилось несколько очень интересных книг и статей, посвященных истории богомилского движения в Болгарии, в которых изучение Беседы Козьмы занимает почетное место. Так, была переиздана полезная книга Ив. Клиначарова «Поп Богомил и неговото време» (София, 1947, 8°, 184 стр.). Не имеет особой научной ценности работа Б. Пашева «Богомилското учение и съвременният аграризъм» (София, 1947, 16°, 46 стр.).

В. Сл. Киселков в статье «Векът на пресвитер Козма» (ЕЛ, IV, 1949, стр. 179—192) поддерживает неубедительную точку зрения о том, что Козьма жил в XI в. и написал свою Беседу в Македонии после восстания 1040—1041 гг. Краткий очерк о жизни упомянутого староболгарского писателя дал В. Велчев (Пресвитер Козма и неговата Беседа против богомилите. ЕЛ, V, 3, 1950, стр. 231—235). В. Велчев отмечает, что Козьма является «един от най-крупните български писатели през средновековието». Этому же болгарскому слависту принадлежит интересное исследование о социально-экономических отношениях в Болгарии, написанное на основе сведений, подчерпнутых у Козьмы (В. Велчев. Социална структура на България през X век според Беседата на пресвитер Козма. ИПр, I, 2—3, 1945, стр. 138—155). Общее изложение истории болгарского богомилства дано И. Митевым (Богомилството — прогресивно движение в епохата на феодализма. София, 1948, 16°, 23 стр.). Следует особо отметить материалы по истории богомилства и «Беседе Козьмы» как историческом источнике для изучения этого движения, опубликованные в последнее десятилетие Д. Ангеловым: «Богомилството в България. Произход, същност и разпространение» (София, 1947, 16°, 196 стр.); «Презвитер Козма и Беседата му против богомилите» (София, 1948, 16°, 7 стр.). В книгах даны сведения о Козьме, о времени, когда была написана Беседа («не по-рано от 936 г.»), о социальных отношениях в Болгарии в X в. и о богомилском движении. Нужно указать и научно-популярную статью Д. Ангелова под заголовком «Богомилството» (Младеч, 1954, кн. 8, стр. 28—32), а также его брошюру «Общечеловеческие и социальные элементы в богомилском учении» (София, 1946, 16°, 20 стр.), затем статью «Произход и същност на богомилството» (Училищен преглед, XLIV, 3—4, 1945, стр. 201—226), и, наконец, работу «Философските възгледи на богомилите» (ИИБИ, III—IV,

1951, стр. 113—147). Хорошее изложение богомильского учения дано в книге названного автора «Богомилство в Болгарии» (М., 1954, 16°, 213 + 1 стр.), в которой исследуются вопросы об источниках богомилства, происхождении учения и его сущности, о богомильских общинах и братствах, об отношении богомилов к государству и дано изложение философских взглядов богомилов. В конце (стр. 206—212) дана достаточно подробная библиография источников и литературы. Ко всем этим трудам Д. Ангелова нужно добавить и его работу о распространении богомилства в Византийской империи — «Der Bogomilismus auf dem Gebiete des byzantinischen Reiches. Ursprung, Wesen und Geschichte» (I—II. Год СУИФ, XLIV, 2, 1947—1948, 71 стр.; XLVI, 1949—1950, 57 стр.).

9. С большим сожалением приходится признать, что за последнее десятилетие исследователи уделяли очень слабое внимание одному из важнейших разделов староболгарской литературы — апокрифике. Чрезмерно общий характер носит статья Д. Ангелова «Апокрифната книжнина като отражение на феодалната действителност и светогледа на експлоатираната класа в средновековна България» (ИПр, VI, 4—5, 1950, стр. 493—508), в которой все же даны интересные общие рассуждения и оценки. Со своей стороны Б. Ангелов в работе «Списъкът на забранените книги в старобългарската литература. Към въпроса за класовия характер на нашата стара литература» (ИИБЛ, I, 1952, стр. 107—159) дал подробное и ценное исследование по вопросу о возникновении, оформлении и распространении списков так называемых запрещенных книг в древнеболгарской и вообще древнеславянской литературе. Б. Ангелов переиздает тексты по нескольким спискам: текст сборника Симеона (Святослава) 1073 г., список Погодинского новоканона, список монастыря св. Онуфрия (XVII в.), Киприановский список (по рукописи XVI в.), один болгарский текст от 1750 г., некоторые другие близкие тексты и дает обзорную сравнительную таблицу. Этому же вопросу посвящена статья Ив. Дуйчева «Най-старият славянски списък на забранени книги» (ГББИ, III, 1954, стр. 49—61). В статье анализируется список (перечисление) запрещенных книг в так называемом сборнике Симеона (Святослава) 1073 г. в сопоставлении с его греческим оригиналом. В упомянутом списке из 24 или 25 апокрифических произведений самое меньшее 14 или 15 были переведены на староболгарский и вообще на старославянский языки, остальные же были мало известны и слабо распространены в самой Византии. Вообще говоря, этот список запрещенных книг при своем возникновении в Болгарии, т. е. в конце IX—начале X в., имел «антикварную» ценность и никоим образом не может безоговорочно рассматриваться как библиографический показатель существующей в то время в Болгарии апокрифической литературы. Большой интерес представляет работа В. Сл. Киселкова «Сидор Фрязин и Яков Ценцал» (ИИБИ, III—IV, 1951, стр. 287—294). Автор рассматривает список запрещенных книг, сохранившийся в рукописи XVI века (бывшая Московская синодальная библиотека № 322). В списке как авторы еретических книг названы, между прочим, Сидор Фрязин и Яков Ценцал. Киселков убедительно показывает, что здесь упомянут основатель яковистской ереси Яков Ценцал-Барадай, а под именем Сидора Фрязина следует видеть Исидора, сына alexсандрийского агностика II в. Василида. Это второе предположение автора неприемлемо. Вероятнее всего, под Сидором Фрязиным следует разумеать киевского митрополита Исидора (умер в Риме, будучи римским кардиналом, в 1463 г.), прозванного Фрязиным-Франком, вследствие принятия им католического вероисповедания. Об этом см. заметки Ив. Дуйчева (Iv. Du jč ev, Byzantinoslavica, XIII, 2, 1952—1953, p. 356—357).

10. Вопрос о литературных центрах в средневековой Болгарии затронут в нескольких исследованиях. Общие представления по этому вопросу дает статья П. Динекова «Книжовни средища в средновековна България» (ИПр, III, 4—5 1946—1947, стр. 407—425), в которой собраны сведения о книжных центрах в Преславе, Охриде, Тырнове, Света Горе, Кратове, Софии, в некоторых монастырях и городах и пр. Книжная деятельность в Рыльском монастыре рассмотрена в книге Ив. Дуйчева «Рилският светец и неговата обител» (София, 1947, 16°, VII, 431 стр.). В качестве дополнения к этой книге был опубликован «Пътеводител за Светата Рилска обител и Рила планина» (Издание на Св. Рилска обител, София, 1948, 16°, 88 (7) стр.), где, между прочим, приведены некоторые сведения о рукописном собрании монастыря. В связи с жизнью основателя монастыря Ивана Рыльского (родился 876—880 гг., умер 18 VIII 946) и вообще со средневековой болгарской агиографической литературой нужно упомянуть работу Ив. Гошева «Трите най-стари пространни жития на преподобни Иван Рилски» (ГодСУБФ, XXV, 1947—1948: 8°, 72 стр.), в которой дан новоболгарский перевод так называемого Народного жития XI—XII в., житие, написанное Георгием Скилицей (XII в.), и житие, написанное патриархом Евфимием (XIV в.) вместе с некоторыми объяснительными замечками к тексту.

Важный, ныне угасший книжный центр средневековой Болгарии, главным образом в течение XIII—XIV вв., находился в нижнем течении р. Русенски Лом (недалеко от г. Русе), в церквях и монастырях около села Иваново. Сведения об этом книжном центре дал недавно А. Василиев в статье «Новооткрити надписи и ктиторски образи при с. Иваново» (ИБАИ, XV, 1946, стр. 197—203) и особенно в книге «Ивановските стенописи» (Материали за историята на гр. Русе и Русенския окръг. I. София 1953, 8°, 48 стр. и 58 табл.).

11. По истории болгарской литературы XIV—XV вв. написано сравнительно мало. Книга В. Сл. Киселкова «Митрополит Григорий Цамблак» (София, 1946, 8°, 64 стр.) дает нам краткий очерк жизни и книжной деятельности видного писателя и церковного деятеля. Как известно, Похвальное слово патриарху Евфимию, составленное Григорием Цамблаком, представляет собой важнейший исторический источник для болгарской истории конца XIV в. и периода турецкого завоевания болгарских земель. Текст этого памятника нуждается во внимательном изучении и толковании, так как слово написано чрезвычайно тяжелым и искусственным языком. Небольшой вклад дан в статье Ив. Дуйчева «Едно неясно място от Цамблавката възхваля за Евтимий» (БЕ, IV, 1, 1954, стр. 171—172). Толкованию сведений главы XVIII, где рассказывается о попытке турецких властей погубить патриарха Евфимия, посвящена статья Ив. Дуйчева «Легендарный мотив у Григория Цамблака» (Slavia, XXI, 1953, стр. 345—349).

Полезная монография о Константине Костенческом — ревнителе южнославянского культурного единства в XV в. была опубликована К. М. Куевым (К. М. Кујев. Konstantyn Kostenecki w literaturze bulgarskiej i serbskiej. Kraków, 1950, 8°, 128 стр.; Biblioteka Studium słowiańskiego Uniwersytetu Jagiellońskiego seria A, № 5). Автор обобщил сведения о жизни и деятельности этого болгарина, прожившего большую часть жизни в сербских землях. Некоторые поправки и добавления к работе Куева даны Ив. Дуйчевым в журнале «Byzantinoslavica» (XIII, 2, 1952—1953, стр. 328—334).

В одной болгарской рукописи из Ловеча XVI в. был найден краткий фрагментарный текст с описанием путешествия в Палестину. Так как текст найден вместе с другими текстами, связанными с Константином Костенческим, отрывок о путешествии в Палестину был принят за сочинение упомя-

нутаго писателя и впервые опубликован Ю. Трифоновым (Списание на Българската академия на науките LXV, 1943, стр. 288—291), а позднее и Куевым в указанной выше статье (стр. 113—117). Однако на самом деле этот текст представляет собой отрывок двух различных описаний хождения в Палестину и имеет чисто переводной характер. Первая часть отрывка была издана на основании сербской рукописи покойным сербским ученым Новаковичем (St. Novaković. *Starine*, XVI, 1884, стр. 54—55). Текст, представляющий буквальный перевод греческого оригинала, опубликован в работе: А. Klötz. *Rheinisches Museum*, LXV, 1910, стр. 606—616, а недавно издан также и Н. Пигулевской (Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV—VI вв. М.—Л., 1951, стр. 408—410) на основе (до сих пор неиспользованной) греческой рукописи № 252, л. 67^о, от 1661 г., хранящейся в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Изучению этого же вопроса посвящена статья Ив. Дуйчева «За книжовното творчество на Константин Костенечки» (ИИБЛ, II, 1954, стр. 223—231).

Известно, что Владислав Граматик, являющийся наиболее выдающимся представителем южнославянской литературы XV в., знаменит главным образом как переписчик рукописей, переводчик и автор одной повести о перенесении мощей основателя Рыльского монастыря Ивана Рыльского из Тырнова в Рыльскую обитель в 1469 г. Для изучения его личности и творчества представляет интерес книга В. Сл. Киселкова «Владислав Граматик и неговата рилска повест» (София, 1947, 8°, 72 стр.), в которой даны биографические заметки о писателе, сведения о его литературной деятельности (стр. 10—56) и новоболгарский перевод его «Рыльской» повести. Здесь нужно назвать еще работу того же автора — «Нов лъч върху книжовната дейност на Владислава Граматик» (ИБИБД, XXIV, 1948, стр. 170—179).

К истории южнославянской литературы XV в. нужно отнести и статью Б. Ангелова «Няколко нови вести за книжовното дело на Димитър Кантакузин» (ИИБЛ, II, 1954, стр. 249—262). Автор дает сведения об 11 списках с текстом одного произведения этого писателя — «Молитва към Богородица» — и переиздает текст памятника на основании рукописи середины XVIII в. (русская редакция с болгаризмами), хранящейся в Архивном институте при Болгарской Академии наук под № 3258. Новый текст содержит около 70 стихов, больше, чем ранее опубликованный список. В тексте имеются некоторые орфографические разночтения. Говоря, что близкий текст опубликован в *Анθолоγιоне* (Москва, 1660), Ангелов подчеркивает, что это произведение проникло очень рано в древнюю русскую литературу.

Наконец, по изучению староболгарской литературы XIII—XV вв. следует упомянуть статью Ив. Дуйчева «Едно изследване върху Троянската притча» (ИИБЛ, II, 1954, стр. 271—275), представляющую собой рецензию с критическими замечаниями на книгу: А. Ringheim. *Eine altserbische Trojasage*. Prague—Upsal, 1951.

12. Отдельно нужно указать несколько исследований о староболгарских литературных памятниках в связи с некоторыми специальными задачами. Так, в староболгарской литературе имеется очень большое количество сведений о развитии естественных наук в средневековой Болгарии. С целью собрать все сведения такого рода, разбросанные в разных памятниках староболгарской литературы, был издан сборник Цв. Кристановым и Ив. Дуйчевым «Естествознание в средновековна България. Сборник от исторически извори» (София, 1954, 8°, 630 стр.). В начале сборника Цв. Кристанов дал введение под заголовком «За етногенезиса на българския народ»

(стр. 5—46). Остальная часть книги содержит подобранные староболгарские литературные памятники, данные в оригинале, новоболгарский перевод и объяснительные заметки (стр. 47—592), написанные Ив. Дуйчевым. Эта часть книги содержит, наряду с другими, следующие главы: III. Сведения из области на естествознание в съчиненията на Йоан Екзарх; IV. Физиологът; V. За лекари и лечебници в апокрифното «Детство Исусово»; VI—VII. Извадки от две слова на Йоан Златоуст в старобългарски превод; XI—XII. Извадки из житията на Ромил Видински и Филотея Видинска във връзка с медицината; XIII. Послание на Патриарх Евтимий Търновски; XIV. Извадки из Синодика на българската църква; XVIII. Извадки из Диалозите на Псевдо-Кесарий; XXI. Из Разумника; XXII. Из гадателните книги; XXIII. Космография и география в «Християнска топография» на Козма Индикоплевст и др.

В связи с турецким нашествием на балканские земли и отражением его в литературе XIV—XV вв., у южных, восточных и западных славян следовало бы назвать статью Ив. Дуйчева (Iv. Du j č ev. La conquête turque et la prise de Constantinople dans la littérature slave contemporaine. Byzantinoslavica, XIV, 1953, стр. 14—54; XVI, 1955, стр. 318—329). Автор дал в систематическо-хронологическом порядке сведения из разных литературных памятников об отдельных этапах турецкого завоевания в балканских землях.

Из области поздней славянской эпиграфики мы должны указать специальное исследование Ив. Гошева «Търновски царски надгробен надпис от 1388 година» (София, 1945, 4°, 74 стр.).

Наконец, можно отметить две работы по вопросу о староболгарской музыке. Здесь уместно вспомнить исчерпывающую и интересную книгу: R. Palikarova-Verdeil. La musique byzantine chez les Bulgares et les Russes (du IX-e au XIV-e siècle). Copenhague, 1953 (Monumenta musicae byzantinae Subsidia, III, 8°, XI, 249 стр., табл. I—XXI). Автор рассматривает вопросы музыки в славянских землях до принятия христианства, византийскую музыку до IX в., византийскую музыку в Болгарии после 865 г. и в России после конца X в., дает сведения о византийской музыкальной системе, о перенесении к славянам византийской нотной системы между IX и XIV вв., о введении византийских реформ в области музыки в Болгарии XII—XIV вв. и пр. Все это связано, разумеется, с изучением большого количества нотных славянских рукописей. Особенно интересны рассуждения автора о сущности музыкальных знаков, которые были употреблены Константином Философом и Мефодием при создании первых литургических славянских сочинений. О музыкальных знаках в известном Палаузовском списке Синодика опубликована небольшая статья Ст. Лазарова «Бележки върху Синодика на цар Борил» (Духовна култура, XXXI, 2, 1956, стр. 24—30).

13. Наконец, нужно назвать целый ряд научных трудов и научно-популярных статей с очень разнообразным содержанием, но связанных с изучением староболгарской литературы.

Так, Б. Ангелов в работе «Класовият характер на старобългарската книжнина» (ИПр, IV, 4—5, 1947—1948, стр. 556—561) пишет, что «въпросът за разкриване на класови елементи в нашата средновековна литература остава открит за нашата литературна история и неговото разрешение изисква по-специални проучвания, които ще допринесат особено много за изяснение на редица проблеми из средновековната ни история». Интерес представляют и две другие статьи того же автора, а именно: «Старобългарският писател в защита на славянската книжнина» (Балкански преглед, II, 5—6, 1947, стр. 47—52) и «Необходими изследвания върху

старобългарската литература» (ИПр, V, 5, 1949, стр. 659—660). В статье «Из историята на руското книжно проникване у нас (XI—XIV в.)» (ИИБЛ, III, 1955, стр. 37—65) упомянутый автор подчеркивает, что «до като през X в. може да се говори предимно за българско културно влияние върху русите, от края на XI век и особено от XII век насам има вече обратно въздействие». Давай сведения о литературных памятниках и укаывая богатую библиографию, Ангелов затрагивает также и вопрос о византийских переводах в старой русской литературе и о их перенесении в Болгарию. В другой статье, названной «„Слово о полку Игореве“ и някои южнославянски успоредици към него» (ИИБЛ, III, 1955, стр. 178—182), Б. Ангелов ищет параллели среди текстов известных произведений древнерусской литературы и некоторых южнославянских литературных памятников, например, в одном похвальном слове о сербском князе Лазаре, погибшем в Косовской битве 15 июня 1389 г., жизнеописании Стефана Лазаревича, написанном Константином Костенческим, и в некоторых древних сербских летописях. По словам автора, эти параллели «как не се дължат на някакво пряко литературно въздействие, говорят за общи книжни форми, получили разпространение между русите и южните славяни». Эти параллели представляют, с другой стороны, по мнению автора, новое доказательство древнего происхождения «Слова о полку Игореве».

Заслуживает внимание также статья Е. Георгиева «Ролята на славянската писменост за създаването и развитието на дружбата между българския и руския народ» (Българо-съветска дружба, 1954, кн. 4, стр. 5—6).

Некоторые интересные сведения о болгаро-русских литературных связях могут быть найдены в статье Ив. Гошева «Духовните връзки между българския народ и руския през време на петвековното ни робство с нови данни из паметниците на Църковно-археологически музей в София» (Сборник: Славянско братство. София, 1945, стр. 48—54). Сведения о староболгарских литературных памятниках и русско-болгарских литературных связях даны в книге Ив. Снегарова «Духовно-културни връзки между България и Русия през средните векове (X—XV в.)» (София, 1950, 8^о, 96 стр.). Особенно интересна III часть книги «Духовно влияние на България» и часть IV «Главни български и южнославянски културни дейци в Русия». Здесь говорится о распространении древнеболгарской письменности в XII—XIV вв., о втором южнославянском влиянии, о деятельности митрополита Киприана и Григория Цамблака и их последователей. Сведения о средневековых болгарских литературных памятниках можно найти в другой книге того же автора, а именно «Културни и политически връзки между България и Русия през XVI—XVIII в.» (София, 1953, 8^о, 129 (1) стр.).

В болгарской научной литературе было опубликовано несколько кратких очерков о жизни и деятельности известных исследователей в области славяноведения и древнеболгарской литературы. Так, Д. Крънджалов в статье «Развой и форми на славянската идея» (ИПр, III, 4—5, 1946—1947, стр. 456—477), между прочим, дает сведения о И. Добровском, В. Копитаре, П. И. Шафаржике, Я. Каларе и др. Библиографические сведения даны в статье того же автора «Павел Йосиф Шафаржик (1795—1860)» (ИПр, I, 4, 1945, стр. 322—325). Отдельно следует упомянуть 3 статейки: Е. Георгиев. Йосиф Добровски — велик чешки възрожденец и основоположник на славянската филология. По случай 200-годишнината от рождението му. Септември, 1953, кн. 9, стр. 149—152; Я. Дворжачек. Йосиф Добровски — патриарх на славянознанието (1753—1829). Славяни, 1953, кн. 10, стр. 17—18; Е. Георгиев. Йосиф Добровски. ЕЛ, IX, 5, 1954, стр. 398—400. Небезынтересно отметить также и статью

В. Сл. Киселкова «Виктор Григорович, Иван Богоров и неизвестното им познание» (ИИБИ, V, 1952, стр. 297—318).

Обзор трудов по старославянской и древнеболгарской литературе, опубликованных за последнее десятилетие, ясно показывает, что в этой области сделано очень много. Нельзя, однако, сказать, что действительно сделано все, что следовало бы сделать. Перед болгарскими исследователями все еще стоит ряд невыполненных основных задач в этой области. Так, например, необходимо, исходя из чрезвычайно полезных методологических указаний, данных за последнее время в связи с изучением древнерусской литературы,⁴ дать критическое издание памятников древнеболгарской литературы, опубликовать монографические труды об отдельных писателях и произведениях, а также и об отдельных периодах болгарской литературы, наконец, подготовить и издать полную научную историю древнеболгарской литературы.

⁴ См. важную статью Д. С. Лихачева «Некоторые новые принципы в методике текстологических исследований древнерусских литературных памятников» (ИЮЛЯ, 1955, т. XIV, 5, стр. 403—419). — Должен добавить, что в данном библиографическом обзоре пропущены некоторые публикации, которые, по моему мнению, не представляют особого интереса.